

Михеев Семенчик

16.1.94

СССР КИНО «НОВОСТИ»
— 1994. — 16-23 кв. —
**«Колыма»: опыт
сентиментального
путешествия**

В 1991 году ленинградский режиссер Михаил Михеев снял фильм о Колыме. На фестивале телевизионных фильмов в Дании картина получила «Гран-при». «Колыма-2» вызвала интерес в Соединенных Штатах. Последовала «Колыма-3». Трилогию дважды без особого шума показывало «Останкино». В декабре 1993 года на 36-м фестивале документального кино в Лейпциге фильм «Колыма» получил приз «Серебряный голубь».

Память хранится в вещах. Заборы, дорожные указатели, бараки-долгожители, скажочно-сентиментальная природа, скелеты в заброшенных шахтах, опять столбы, холод и голод, нескончаемая метель в трех сериях «Колымы» — из этого состоит фильм.

Камера скользит по поверхности вещей, ни на чем не задерживаясь. В фильме не найти эпизода, где оператор допустил бы неоправданную статику. Отчужденность, с которой рассматриваются реликты прошлого, напоминает разглядывание античной амфоры, обнаруженной на рабовладельческом городище. Применительно к «Колыме» это выглядело бы кощунством, если бы не сочеталось с рассказами очевидцев лагерного быта.

«Мы научились смиреннию, мы разучились удивляться. Мы понимали, что смерть никак не хуже, чем жизнь, и не боялись ни той, ни другой. Великое равнодушие овладело нами. Мы знали, что в нашей воле прекратить эту жизнь хоть завтра. Но всякий раз нам мешали какие-нибудь мелочи, из которых и состоит жизнь» — воспоминания жителя колымского барака.

Этого вполне хватило бы, чтобы получить приз. Но в фильме есть некий сбой, нечто, выводящее колымскую историю из разряда дежурно-описательных. В определенный момент Колыма обнаруживает свой второй план — постоянное, без времени поле зла, воплощение затянувшегося кафкианского процесса. Под рукой режиссера лагерная трагедия вдруг приобретает метафизический смысл, позволяющий считать фильм искусством.

Дмитрий СИКОРСКИ